1978, 13 окт.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

ТЕЛЕФИЛЬМ «Василий Шукшин» (автор сценария и режиссер Б. Голдаев) носит уточняющий подзаголовок — «По страницам прозы». Рамки предстоящего разговора определены сразу.

Открывая фильм, Сергей Залыгин метко указывает на «отсутствие какой-то не то что литературщины, а, казалось бы, даже и самой литературы в его литературных произведениях». И верно: Шукшин мог взять рядовой эпизод повседневной действительности, и вдруг оказывалось, что в нем и смех, и слезы, и горечь, и счастье — сама жизнь. На короткометражной площади своих рассказов умещал он все богатства мира.

Для фильма о прозе Шукшина выбраны рассказы «Суд» и «Беседы при ясной луне».

«Пимокат Ефим Валиков подал в суд на новых соседей своих Гребенчиковых, — начинает Иван Лапиков читать рассказ «Суд». — Дело было так...» Лапиков пока без грима, просто чтец, но минует пролог — и теперь он на экране уже в роли Валикова, у которого по оплошности соседки (Э Шашкова) сгорела новенькая баня. История незамысловатая: судья (В. Анисько) постановил, что Гребенчикова должна заплатить за причиненный ущерб, и Ефим на радостях по совету жены (А. Дмитриева) относит судье шмат сала в благодарность, а судья его прогоняет. Но за видимой этой простотой — глубина. «...Раз доброе человек сделал, два, а ему за это — ни слова, ни полслова хорошего, у него, само собой, пропадает всякая охота удружить кому-нибудь. А потом скулим: плохо жить! А ты возьми да сам тоже сделай ему чего-нито хорошее». Так рассуждает Ефим Валиков, и он прав, да вот у правды-то, оказывается, два конца... Лапиков столь органично входит в эту роль, можно сказать, живет в ней (она коротка, но это ведь только усложняет задачу актера), что мы не можем не проникнуться теплым чувством к Ефиму.

— Говорить не сильно подслащенные комплименты, а полную правду, какой бы горькой и жесткой она ни была, — звучат за кадром слова писателя (текст от автора читает О. Табаков). Пристально вглядываясь в человека, Шукшин всегда говорит только правду.

...Приятно потолковать долгими ночами, да еще когда тебя с охотой слушают. Вот и рассуждает бухгалтер Баев (его превосходно играет М. Глузский) о том, о сем, а больше о себе самом: мол, голова на плечах есть, и толковая. В похвалу своим способностям он доходит даже до предположения, что мать прижила его от «мериканцев». Баев зло ругает тех, у кого жизнь не задалась, и на вопрос сторожники Марьи (Т. Пельтцер), как же помочь таким, резко отвечает: «Никак. Пускай сами разбираются». Баевская самопоуенная пошлость — не явная, но до-

статочно опасная, способная обернуться чем-то и пострашнее брани. Увидев человека на крыльце сельмага, он кричит Марье: «Стреляй!» И окажись Баев на ее месте — ведь выстрелил бы, и помешать этому могла бы только его трусость, но никак не человечность. Не в состоянии он понять замешательства Марьи: как же — «в живого человека»? Но с другой стороны, и подлецом ведь Баева не назовешь... И так всегда у Шукшина: героев своих, живых людей, он не метит яркими ярлычками — «положительный», «отрицательный» — словно полюса на электробатарее.

Режиссеру удалось донести шукшинскую интонацию, неторопливую, порой взрывчатую.

Много интересного о природе и характере дарования Шукшина говорит в фильме Сергей Герасимов, называя его «человеком, который смотрит на мир глаза в глаза».

Фильм, бесспорно, удался. Фильм о народном писателе России Василии Шукшине, выведшем формулу «нравственность есть правда» и доказавшем ее всем своим творчеством.

Алексей ЕРОХИН